

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 81'276:004.738.5

Бабук Александр Вадимович

кандидат филологических наук,
заместитель директора – директор
по науке и информационным технологиям,
Национальная библиотека Беларуси,
Республики Беларусь,
г. Минск, Беларусь

Alexander Babuk

PhD in Philology,
Deputy director general – director of
science and information technology,
National Library of Belarus
Minsk, Belarus
alexander-babuk@yandex.ru

АББРЕВИАТУРЫ И СОКРАЩЕНИЯ КАК СРЕДСТВА МАСКИРОВКИ
ДЕНОТАТА И ЭКСПЛИКАЦИИ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ
В КОМПЬЮТЕРНО-ОПОСРЕДОВАННОЙ КОММУНИКАЦИИ
(на материале русского и английского языков)

ABBREVIATIONS AND ACRONYMS AS MEANS OF THE DENOTATUM
DISGUISE AND SPEECH AGGRESSION EXPLICATION
IN COMPUTER-MEDIATED COMMUNICATION
(Based on Russian and English Languages)

Статья посвящена аббревиатурам и сокращениям как инструментам маскировки денотативного компонента текста и выражения различных типов речевой агрессии. Подчеркивается, что данные языковые элементы, будучи заимствованными из западно-европейских языков (прежде всего, английского), сперва применялись в качестве средств официально-делового стиля, затем использовались в речи деклассированных элементов и единицах интернет-жаргона. С опорой на примеры из английского и русского языков обосновывается мысль, что в современных условиях в компьютерно-опосредованной коммуникации аббревиатуры и сокращения активно применяются злоумышленниками, орудием правонарушения которых является слово.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *аббревиатуры; сокращения; маскировка; денотат; речевая агрессия; компьютерно-опосредованная коммуникация.*

The article is dedicated to abbreviations and acronyms used as means of the denotative component disguise in the text and the explication of various types of speech aggression. It is emphasized that abbreviations and acronyms borrowed from Western European languages (primarily English) first became the language of official business style, then the speech of communication of déclassé elements and Internet jargon units.

Based on examples of English and Russian languages, the idea is substantiated that abbreviations are actively used by offenders whose crime weapon is a word in modern conditions of computer-mediated communication.

К е у в о р д s: abbreviations; acronyms; disguise; denotatum; speech aggression; computer-mediated communication.

Динамика языка обусловлена нейролингвистической особенностью работы мозга человека, которая заключается в наименьшем расходе запасов физических сил, энергии и времени на решение любой поставленной задачи, в том числе и языковой. Этим объясняется стремление человека к языковой экономии, т.е. передаче максимально ярко выраженного смысла высказывания с использованием минимальных речевых средств.

Одно из следствий этой экономии в разговорной речи заключается в стремлении говорящего к *универбации* – типу компрессивного словообразования, при котором словосочетание преобразуется, как сообщает Е. А. Зуева, в «однословную номинацию» [1, с. 5] путем сохранения основы главного слова. Результат универбации состоит в образовании слов-универбантов, создаваемых различными способами, самым популярным из которых является суффиксация *-к(а), -ик, -ин(а), -иц(а), -ак, -н(я), -к(и), -ух(а), -ач, -ур(а)* [1, с. 6] (*зарубежная литература – зарубежка, партийный билет – партийка, конное войско – конница*). Поначалу подобные универбанты разговорной речи носили в основном эмоционально-экспрессивный характер (*обязаловка, уравниловка*), затем они стали активно употребляться в процессе повседневного социально-бытового общения (*коммуналка – коммунальная квартира, социалка – социальное пособие, ветрянка – ветряная оспа*). Именно универбация в динамике языка привела к аббревиации – процессу образования аббревиатур.

Аббревиатура (ит. *Abbreviatura*, от лат. *brevis* 'краткий' [2, с. 9]) – это «слово, образованное на базе словосочетания путем значительного сокращения его единиц» [3, с. 9]. Этимология самого слова восходит к так называемым аббревиаторам (лат. *abbreviator*, от лат. *abbreviare*; лат. *ab* 'от' и лат. *brevis* 'короткий', т.е. *сократители*) – лицам, которые служили секретарями при папском дворе и занимались сокращением писем и протоколов [4, с. 12]. В зарубежной лингвистике аббревиатуры часто называют *акронимами*, под которыми понимают любые сокращения, в том числе и различные редуцирования многосложных слов путем усечения их основ (*adj. – adjective, prep. – preposition*) [5, p. 1].

Согласно словарю лингвистических терминов, аббревиатуры бывают следующих типов: 1) и н и ц и а л ь н ы е или б у к в е н н ы е, произноше-

ние которых осуществляется по первым буквам исходных составных слов (*БГУ [бэ-гэ-у] – Белорусский государственный университет, БТ [бэ-тэ] – Белорусское телевидение* и т. д.); 2) сложносокращенные, включающие в состав несколько слов или их основ (*главком, совбез* и т. д.); 3) смешанные, включающие синтез двух предыдущих видов. Все типы названных аббревиатур активно используются в современной коммуникации [6, р. 378].

Аббревиация как процесс образования аббревиатур в языке осуществляется путем использования начальных букв слова (*КВН, ООН, ЕСПЧ* и т. д.), а также сокращения частей слов (*управдом, горисполком, комбриг, замполит, главбух* и т. д.) или сочетание части слова с целым словом (*завкафедрой, стройбанк* и т. д.). До начала XX в. в сфере социально-бытового общения аббревиатуры были типичны в основном только для западноевропейских языков. Проникновение аббревиатур в современный русский язык связано с различными общественными трансформациями, вызванными в первую очередь революцией 1917 г. и образованием СССР, где возникла советская культура, которая требовала создания новых общественных институтов и, соответственно, собственных (*Владлен – Владимир Ленин, Дамир – Даешь мировую революцию*) и нарицательных (*КПСС – Коммунистическая Партия Советского союза, ЗАГС – Запись актов гражданского состояния*) имен, а также имен, связанных с деятельностью советского государства и идеологией коммунизма. Именно поэтому подобные языковые элементы изначально чаще употреблялись в официально-деловой переписке. Затем в связи с формированием исправительно-трудовой системы в СССР в 1920–1930 гг. аббревиатуры стали также существенной частью языковой культуры деклассированных элементов (*БАРС – татуировка «Бейте активистов, режьте стукачей», ББК – папиросы «Беломорканал», БДС – Бич дальнего следования, ЖНССС – Жизнь научит смеяться сквозь слезы [7]*).

Первоначально подобные сокращения встречались в основном в деловой речи, где они закрепились в качестве повторяющихся компонентов [3, с. 9], таких как *гос-* (*госструктура, госучреждение*), *гор-* (*горисполком, горбольница*), *обл-* (*облсиполком, облсовет*) и т. д. Затем аббревиатуры начали использоваться в языке социально-бытовой коммуникации, причем постепенно с увеличением частотности употребления некоторые из них трансформировались из собственных в нарицательные существительные (*вуз – высшее учебное заведение, дзот – деревоземляная огневая точка, дот – долговременная оборонительная точка*). В современных условиях аббревиатуры часто употребляются в качестве неологизмов,

которые появляются в языке в связи с определенными глобальными социальными процессами, изменениями и вызовами. Так, например, возникшая пандемия коронавируса в конце 2019 г. привела к созданию соответствующей аббревиатуры (*COVID-19 – coronavirus disease*), которая в 2020 г. стала самым популярным неологизмом.

От непосредственно аббревиатур необходимо отличать *сокращения*, под которыми понимают: 1) Эллиптическую форму речи, конвенционально используемую в некоторых коммуникативных ситуациях (например, *т. е., и т. д., и т. п.*); 2) Редуцированное произношение некоторых словофонем под воздействием быстрого темпа речи (*лана – ладно*); 3) Уменьшение протяженности речевого сигнала (звуков, морфов) и замена речевого сообщения более экономными кодами [8, с. 439–440]. Подобные сокращения типичны в современной компьютерно-опосредованной коммуникации, для субъектов которой они становятся средствами языковой идентичности, т. к. их идентифицировать могут только лица, владеющие терминами компьютерного жаргона и глубоко погруженные в контекст и коммуникативную ситуацию. В основе аббревиации и акронимизации как процесса образования сокращений лежит языковая игра – лингвистический прием, представляющий собой языковую шутку [9, с. 16], где говорящий сознательно отступает от речевых норм и правил с целью создания комического эффекта. С точки зрения субкультуры так называемого «сетикета» или «нетикета» (от англ. *net* 'сеть' и франц. *etiquette* 'этикет') – совокупности норм и правил речевого поведения субъектов в интернет-дискурсе – подобные отклонения рассматриваются в качестве проявления лингвокреативности говорящего.

В современной речи языковая игра становится инструментом формирования *жаргона* – специфического социолекта, субъекты которого принадлежат к какой-либо группе, объединенной по определенному социолингвистическому признаку (пол, возраст, родной язык, хобби, профессиональная принадлежность и т. д.). Особенность образования жаргонных неологизмов заключается в процессе так называемого «семантического сдвига» [10, с. 87], когда лексема утрачивает свое первоначальное значение и приобретает то, которое актуально для данного контекста и коммуникативной ситуации.

После распада СССР в связи с компьютеризацией общества возник так называемый интернет-жаргон, который стал частью разговорной речи, носящей устно-письменный характер. Специфика интернет-жаргона как социолекта заключается в объединении по признаку принадлежности к компьютерно-опосредованной коммуникации его субъектов, которые

могут общаться виртуально на условиях анонимности с использованием вымышленного образа, созданного на основе никнейма (компьютерного имени) и аватарки (картинки).

В современной компьютерно-опосредованной коммуникации аббревиатуры и сокращения применяются при совершении правонарушения, орудием которого является слово, используемое как с целью маскировки предмета речи, так и для экспликации различных типов речевой агрессии. В первом случае речь идет о правонарушениях, связанных с распространением наркотических средств и запрещенных веществ, где слова применяются в несвойственных для них значениях с целью маскировки денотативного компонента текста. Во втором случае речь идет о действии, под которым подразумевается, как пишет Ю. В. Щербинина, «негативное речевое воздействие и взаимодействие; обидное общение; выражение отрицательных эмоций и намерений в неприемлемой в данной ситуации и оскорбительной для собеседника форме» [11, с. 13]. С точки зрения криминалистики все действия, совершаемые субъектом в компьютерно-опосредованной коммуникации, являются преднамеренными, т. к. злоумышленник, как правило, располагает временем, чтобы хорошо обдумать текст перед опубликованием, а также отредактировать его или вовсе удалить.

При маскировке предмета речи говорящий применяет различные речевые средства и лингвистические приемы в качестве инструментов импликации денотата. Используя языковые элементы с целью сокрытия следов преступления, к маскировке денотата обычно прибегают лица, связанные с распространением и употреблением наркотических средств и запрещенных веществ. Они, как правило, распространяют эти вещества под видом какой-либо несертифицированной продукции (бытовой химии, продуктов питания, предметов быта и т. д.) [12]. Так, одним из широко применяемых сокращений среди распространителей наркотических средств при маскировке предмета речи в компьютерно-опосредованной коммуникации является число 420, денотативное значение которого – марихуана. Использование данного числового обозначения связано с распространением курения марихуаны в североамериканской субкультуре в 1970-е гг., когда группа подростков одной из калифорнийских школ собиралась после окончания уроков в 16:20 (4 ч 20 мин) на улице, чтобы «покурить траву» и обсудить насущные вопросы.

В других случаях при совершении вербального правонарушения говорящий прибегает к использованию аббревиатур и сокращений и тем

самым воплощает иллокутивную (перлокутивную) силу высказывания с помощью различных средств речевого воздействия, оформляющих его в различные типы речевой агрессии.

Наиболее популярными типами такой агрессии являются следующие:

- *угроза* – тип речевой агрессии, при котором говорящий выражает намерение совершить в отношении адресата небенефактивные действия. Угроза может подразумевать вербально выраженные санкции за содеянное в прошлом (угроза-наказание) или содержать каузируемое, за выполнение или невыполнение которого говорящий обещает совершить небенефактивные действия. В компьютерно-опосредованной коммуникации угроза чаще всего является составной частью *кибербуллинга*, представляющего собой «периодически повторяющийся агрессивный поведенческий акт с намерением нанести ущерб или причинить вред конкретному индивиду (жертве), который не в состоянии себя защитить» [13, с. 87]. В английском языке при кибербуллинге активно применяются инициальные аббревиатуры: *ESAD (Eat shit and die) – Подавись и сдохни!*; *I'm here DTK (Down to kill) you – Я здесь, чтобы убить тебя*;

- *кибергруминг* – тип речевой агрессии, направленный на установление контакта говорящего с жертвой (чаще всего несовершеннолетней) с целью последующего принуждения к каким-либо действиям сексуального характера. При кибергруминге говорящий знакомится со своей потенциальной жертвой для завоевания ее доверия. В случае, если целью говорящего является непосредственное вступление в половой контакт с жертвой, ему необходимо получить как можно больше сведений о ней, для чего он использует типичные речевые клише знакомства в интернет-пространстве, в том числе аббревиатуры: *A/S/L (Age/sex/location) – Возраст/пол/месторасположение*. Чаще всего говорящий использует аббревиатуры, имплицитно выражающие принуждение к действиям сексуального характера: *WTGP? (Want to go private?) – Ты хочешь уединиться?*; *GYPO (Get your pants off) – Сними нижнее белье*; *8 (ate) it – Съешь это*;

- *оскорбление* – тип речевой агрессии, предполагающий создание интенциональных иллокутивных высказываний, которые содержат негативную оценку лица, выраженную в нормативной или ненормативной форме. В современном англоязычном интернет-дискурсе средством негативной оценки все чаще выступает аббревиация: *You and all your family are FUBAR (f*cked up beyond repair) – Ты и вся твоя семья еб*тые*; *I don't want to see at your SEG (sh*t-eating grin) – Не хочу видеть твою г*ноедскую ухмылку*; *YAPITA (You're pain in the a*s) – Ты есть заноза в зад*це*;

- *экстремизм* – тип речевой агрессии, предполагающий создание иллокутивных высказываний, содержащих негативную оценку лица по какому-либо признаку (язык, раса, национальность, религия или принадлежность к какой-либо группе) и выраженное на этом основании побуждение к насильственным действиям: *All 13/90 are pigs. We must kill 13/90 – Все 13/90 – свиньи. Мы должны убить их.* Объектом побуждения к насильственным действиям в данном высказывании выступают чернокожие американцы, обозначенные цифрами *13/90* (этимология обусловлена тем, что численность чернокожих составляет 13 % от общего количества населения США и при этом по статистике 90 % всех преступлений в США совершаются представителями негроидной расы). В подобных аббревиатурах, сокращениях и буквосочетаниях могут быть зашифрованы имена личностей, значения основных дат, событий, названия экстремистских формирований (*4/20* – день рождения А. Гитлера, *14/88* – 14 слов и 88 заповедей идеолога расизма Д. Лайна, *311* – числовое обозначение организации Ку-Клукс-Клан и т. д.) [14, С. 282–283]. В русском языке подобным англоязычным акронимам в экстремистском дискурсе соответствуют свои аббревиатуры: *СЛОН* – *Смерть легавым от ножа*, *КГБ* – *Кодла государственных бандитов* [14, с. 286] и т. д.;

- *клевета* – тип речевой агрессии, при котором говорящий распространяет ложную информацию о негативной деятельности лица в форме категорического утверждения о факте, порочащем его деловую репутацию и авторитет. «Иллокутивная сила клеветнических высказываний заключается в обвинении адресата в том, чего он не совершал» [15, с. 75]. Как и при угрозе, формой клеветы может выступать и кибербуллинг (травля) – публичное воздействие на адресата, осуществляемое путем публичного (интерперсонального) распространения негативной оценки деятельности лица в публичном пространстве компьютерно-опосредованной коммуникации: *Yesterday she became a FWB (friend with benefits) at the school-party. I was her sex-partner. – Вчера она стала ПСП («подругой с привилегиями»). Я был ее сексуальным партнером.*

Во всех перечисленных типах речевой агрессии упомянутые конструкции могут встречаться и в форме иных вариантов аббревиации: редуцированного высказывания говорящего (*ТКВПВО* – *Ты, коз*л вон*чий, пошел вон отсюда*); вульгарного сокращения (*МК* – *муд*к кон*енный*) и т. д.

В современных условиях, как пишет Ю. М. Кувшинская, применение аббревиатур и сокращений представляется наиболее привлекательным для любого злоумышленника, орудием совершения правонарушения которого выступает слово [16, с. 32]. Как видно из приведенных примеров, в боль-

шинстве своем в подобных интернет-текстах, содержащих криминалистически значимую информацию, преобладает употребление инициальных аббревиатур. Это обусловлено недоступностью их для понимания адресату, не относящемуся к группе субъектов компьютерно-опосредованной коммуникации. Дешифровать подобные языковые элементы могут только лица, погруженные в коммуникативную ситуацию. Вот почему как при маскировке денотативного компонента текста, так и при экспликации различных типов речевой агрессии используемые аббревиатуры и акронимы являются эвфемизмами – словами, которые формально делают высказывание более нейтральным, что, в свою очередь, объясняет целесообразность создания дополнительного инструментария для их описания и расшифровки в ходе судебной лингвистической экспертизы текста.

Таким образом, аббревиатуры и сокращения являются важной частью языка современной коммуникации. Изначально подобные языковые элементы употреблялись в западноевропейских языках (в частности, в английском), а затем после революционных событий 1917 г. стали применяться в официально-деловом стиле русского языка и в русскоязычном жаргоне деклассированных элементов. В современных условиях глобальных социальных трансформаций аббревиатуры и акронимы в компьютерно-опосредованной коммуникации стали средствами (с целью маскировки предмета речи) совершения правонарушений при распространении наркотических веществ, а также инструментом формирования локуции текста в различных типах речевой агрессии (угроза, кибергруминг, оскорбление, экстремизм, клевета). Во всех названных случаях аббревиатуры и сокращения применяются с целью языковой экономии и эвфемизации в высказываниях, принадлежащих субъектам соответствующего социолекта. В связи с этим возникает необходимость создания инструментов описания и дешифровки аббревиатур, сокращений, необходимых для проведения судебной лингвистической экспертизы текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зуева, Е. А. Универбация в близкородственных русском и белорусском языках: деривационный и лексико-стилистический аспекты : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.02.; 10.02.01 / Е. А. Зуева ; Минск, 2023. – 30 с.
2. Словарь иностранных слов современного русского языка / сост. Т. В. Егорова – М. : Аделант, 2014. – 800 с.
3. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева – Ростов н/Д : Феникс, 2010. – 562 с.

4. Православная богословская энциклопедия / под ред. А. П. Лопухина – Петроград, 1900. – Т. 1. – 1128 с.
5. *Crystal, D. A. Dictionary of Linguistics and Phonetics / D. A. Crystal. – 6th ed. – Oxford : Blackwell Publishing, 2008. – 529 p.*
6. *Imre, A. Categorizing and translating abbreviations and acronyms / A. Imre // Open Linguistics – 2022. – N. 8. – P. 378–389.*
7. *Грачев М. А. Словарь тысячелетнего русского арго: 27 000 слов и выражений / М. А. Грачев. – М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2003 – 1120 с.*
8. *Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова – М. : Сов. энцикл., 1969. – 608 с.*
9. *Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.*
10. *Тошович, Б. Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/ хорватского языков / Б. Тошович. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 557 с.*
11. *Щербинина, Ю. В. Речевая агрессия. Территория вражды : учеб. пособие / Ю. В. Щербинина – М. : ФОРУМ, 2015. – 400 с.*
12. *Бабук, А. В. Выявление маскировки наркотических средств как предмета речи при проведении судебной лингвистической и фоноскопической экспертиз / А. В. Бабук // Следственная деятельность. – Вып. 3 – № 1 (3). – Минск : СтройМедиаПроект, 2023. – С. 203–218.*
13. *Бабук, А. В. Флейминг как инструмент разжигания речевого конфликта в интернет-дискурсе / А. В. Бабук // Российский девиантологический журнал. – СПб, 2022. – 2(1). – С. 85–92.*
14. *Судебная экспертиза по делам о преступлениях экстремистской направленности : монография / О. Н. Матвеева [и др.] ; под ред. О. Н. Матвеевой – Барнаул : Новый формат, 2016. – 351 с.*
15. *Бабук, А. В. Судебная лингвистическая экспертиза по делам о клевете в зарубежных странах / А. В. Бабук // Судебная экспертиза Беларуси – Минск : 2023 – 2 (17). – С. 75–79.*
16. *Кувшинская, Ю. М. Аббревиация в речи интернет-форумов / Ю. М. Кувшинская // Современный русский язык в интернете / под ред. Я. Э. Ахапкина, Е. В. Рахилина. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – С. 23–38.*

Поступила в редакцию 29.04.2024